

Сергей Ермолаев

НОБЕЛЕВСКОЕ ЗВАНИЕ КАК ПОВОД ДЛЯ СОМНЕНИЙ

Рецензия на книгу: *Кругман П. Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата*. М.: Эксмо, 2009.

Висконном названии труда П. Кругмана слов «Мировой кризис глазами нобелевского лауреата» нет, они добавлены только в русскоязычном переводе книги. Иначе говоря, российские издатели с ее заглавием обошлись вольно, не побоялись отступить от оригинала. Их можно понять. Любое издательство пытается преподнести выпущенную им книгу в самом благоприятном свете. В данном случае рекламный ход напрашивался. Книг, посвященных кризису, много, но эту работу писал не кто-нибудь, а свежеепеченный обладатель Нобелевской премии по экономике. В общественном мнении это звание сродни знаку качества, нобелевскому лауреату доверятся многие люди. Естественно, резко возрастают шансы, что люди предпочтут его книгу другим по той же тематике.

И все же не все читатели купятся на подобную рекламу. Меня она так и вовсе насторожила. Сразу вспомнилось, что Нобелевская премия по экономике за сравнительно недолгое существование присуждалась за весьма сомнительные достижения, которые вскоре были дискредитированы. Известный историк Э. Хобсбаум пишет, что с середины 1970-х гг. премию стали все чаще давать сторонникам свободного рынка, «экономического ультралиберализма» (или неолиберализма): в 1974 г. Ф. А. фон Хайеку, в 1976-м М. Фридману¹. Но едва их доктрины стали в мировой экономике руководством к действию, как выяснилось, что они себя не оправдывают. Отказ от государственного участия в экономике, широкой социальной политики, торговых барьеров в этих доктринах был объявлен необходимым условием экономического роста. Однако на практике все эти меры воплотились в «странное сочетание низкого темпа роста и увеличивавшегося неравенства доходов»². Как не раз отмечали критики неолиберализма, именно в эпоху государственного регу-

1. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004. С. 435.

2. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. С. 123.

лирования, объявленного злом и тормозом прогресса, экономика росла наиболее быстрыми темпами. А когда для экономического роста были созданы, как полагают неолибералы, оптимальные условия, он вдруг замедлился³.

Вот почему нобелевское звание автора не располагало к завышенным ожиданиям насчет книги. И интерес к ней возник по другим причинам. Автор известен как «главный публичный адвокат в пользу кейнсианской политики»⁴ — той самой, которая отождествляется с государственным регулированием и является основной мишенью неолибералов. А еще я помнил предыдущую книгу Кругмана, вышедшую на русском языке. В ней автор свою кейнсианскую репутацию вполне оправдал: сполна воздал республиканским правительствам США (от Рейгана до Буша-младшего) за сокращение налогов на богатых и уменьшение социальных программ, дерегулирование энергетической промышленности Калифорнии, повлекшее естественным образом известные перебои с поставками энергии, и многие другие мероприятия в духе неолиберализма⁵. Вызывал согласие один лишь призыв автора: «Не стремитесь принять решение в пользу рынка, когда существуют серьезные сомнения в том, будет ли работать этот рынок»⁶. Можно было надеяться, что и новая книга будет написана в том же ключе — отнюдь не в духе все еще модных, но давно надоевших рыночных рецептов.

Теперь я даже не знаю, сбылись ли мои надежды. Не могу сказать однозначно. Казалось бы, многое из того, что пишет Кругман, вполне укладывается в кейнсианскую линию. Мир, по мнению Кругмана, проходит сейчас пусть и не через депрессию, но через «депрессивную экономику», то есть испытывает груз «проблем, особенно характерных для мировой экономики в 1930-х и с тех пор не проявлявших себя» (с. 282). Ее возвращение было вполне закономерным. Во многом оно объясняется, если верить автору, произошедшим в экономическом мышлении за последние несколько десятилетий «смещением акцентов» и уходом «от спроса в экономике в сторону предложения». В данном случае Кругман делает прозрачный намек на все те же неолиберальные принципы или на «совокупность глупых идей, претендовавших на название „экономика предложения“» (с. 283). Именно они призывали не мешать бизнесу (стороне предложения), не обременять его социальными расходами — одним словом, сделать так, чтобы фирмы могли бесперебойно создавать продукт на продажу. Но чем дальше заходила такая помощь бизнесу, тем сильнее она была по потребителям, сокращала вместе с социальными гарантиями возможности населения покупать выставленную бизнесом продукцию. Возникал тупик: ситуация, когда предложение все труднее находило спрос, должна была, как и в конце 1920-х гг., прийти к коллапсу.

Поэтому, как полагает Кругман, надо начинать с исправления изъянов «теорий предложения» — фактически принять те самые меры, которые

3. См.: Кагарлицкий Б. Ю. Мы слишком много знаем... // Скепсис. 2005. № 3–4. С. 5.

4. Харви Д. Почему набор мер для стимулирования экономики США обречен на провал? // Прогнозис. 2008. № 4. С. 14.

5. Кругман П. Великая ложь: Сбиваясь с пути на рубеже нового века. М.: АСТ, 2004.

6. Там же. С. 360.

в этих теориях считались недопустимыми. Нужно, по мнению Кругмана, сделать все то же самое, что в более суровых условиях предлагал Дж. М. Кейнс. Автор напоминает, что в 1930-е гг. капитализм был, по мнению многих, обречен и выжил «в основном благодаря мерам, предложенным Кейнсом, хотя нынешние энтузиасты свободного рынка вряд ли с этим согласятся» (с. 162). Сейчас нужно воспользоваться рецептами тех лет. В плане «операции спасения», как называет ее Кругман, легко угадывается рука Кейнса. По словам Кругмана, «политикам всего мира надо предпринять два шага: опять запустить в действие поток кредитов и повысить объемы расходов» (с. 286). Одно это должно вызвать протест неолибералов: в их понимании правительственные расходы надо ограничивать, так как они всегда осуществляются за счет бизнеса. А Кругман делает следующий шаг: для выхода из кризиса, как выясняется, «потребуется более сильный правительственный контроль». «На какое-то время, — говорит Кругман, — мы фактически подойдем к полной национализации значительной части финансовой системы» (с. 289). Вот здесь неолибералы разразятся праведным гневом: они ведь всегда стремились к приватизации как финансов, так и других сфер экономики. Идею Кругмана они сочтут за издевательство. И вряд ли их успокоит тут же сделанная Кругманом оговорка, что национализация будет лишь временной мерой, что «сразу же, как только будет обеспечена безопасность, финансы снова следует сделать частными» (с. 289). А еще Кругман предлагает вернуться к оправдавшей себя практике 1930-х гг. по организации правительством общественных работ (с. 291), — очевидно, с целью обеспечить население работой и, следовательно, доходами, которые помогут восстановлению спроса в экономике. Реакцию поборников свободного рынка боюсь представить. Они всю сознательную жизнь посвятили критике программы по выходу из Великой депрессии. А теперь один из экономических авторитетов призывает к возрождению той программы. Не ожидали люди такого поворота.

Так получается, в лице Кругмана мы имеем еще одного разоблачителя неолиберальных доктрин? Как ни странно, это не так. Удивительно, но тот же самый Кругман на других страницах работы по сути дела отстаивает все те идеи, которые по традиции связывают с неолиберализмом. Человек, с явным сарказмом говорящий об «энтузиастах свободного рынка», сам часто предстает точно в таком качестве.

Как результат, книга — особенно в начале — переполнена характерными для подобного рода «энтузиастов» штампами, сильно смазывающими о ней впечатление. Например, разве может хоть один «энтузиаст свободного рынка» обойтись без панегирика в честь «процветающей» чилийской экономики при Пиночете? Вот и Кругман диктатора вспомнил добрым словом. Из книги узнаем, что «экономические реформы, предпринятые им в Чили, оказались очень успешными» (с. 57). Хотя на самом деле было все наоборот. Впечатляющий рост чилийской экономики сначала во второй половине 1970-х гг., затем с середины 1980-х приходился на время после еще более впечатляющих спадов, оба раза вызванных воспетыми Кругманом «реформами». Мог ли этот спад не последовать, например, в первые годы правления Пиночета, когда

снятие торговых барьеров сразу же сделало чилийские товары неконкурентоспособными?⁷ Последующий рост был всего лишь результатом того, что дальше падать экономике было некуда, она в эти годы отвоевывала обратно потерянную территорию. И как правильно отмечает С. Кангас, если смотреть на годы не только подъема, но и спада, показатели чилийской экономики за годы правления Пиночета будут одними из худших во всей Латинской Америке⁸.

Или разве «энтузиасты свободного рынка» упускают возможность посмаковать ускорение экономического роста в странах третьего мира в годы глобализации? Кругман тоже не упустил. В книге можно прочитать про полную беспросветность в отсталых странах вплоть до конца 1970-х гг., про неудачу их протекционистского курса. «А затем, — пишет Кругман, — вдруг что-то изменилось» (с. 49). Страны третьего мира стали снижать торговые барьеры, открывать границы для иностранного проникновения. Результаты, если верить Кругману, не заставили себя ждать. Правда, не во всех странах: многие «все еще остаются очень бедными». Зато «в тех государствах, где начали формироваться новые отрасли, все-таки происходит улучшение жизни обычных людей, и этот процесс очевиден» (с. 50). Какие именно государства имеются в виду, тоже понятно — страны Юго-Восточной Азии. На их будто бы позитивный пример очень любят ссылаться защитники глобализации, и Кругман следует в общем русле.

Эти государства, если верить Кругману, показывают, что «быстрое развитие все-таки возможно, и оно достигается... путем интеграции, насколько это возможно, в глобальный капитализм» (с. 52). Сразу хочется спросить: а как насчет других регионов, например Африки? Если судить по отношению объемов внешней торговли к ВВП, то Африка, как пишет С. Амин, окажется «интегрирована в мировую систему даже больше, чем все остальные развитые и развивающиеся регионы»⁹. Но плоды от этой интеграции отнюдь не радуют. По данным экономиста М. Вайсброта, в 1980–1990-е гг., то есть в период распространения глобализации, средний доход в африканских странах на душу населения упал на 15%. Кстати, и для Латинской Америки глобализация привела к сходным последствиям. Здесь доход на душу населения в те же сроки вырос на 7%, то есть не вырос вовсе сравнительно с 65-процентным ростом в предыдущие два десятилетия¹⁰. И в целом отставание «третьего мира» от «первого» с момента отказа (как правило, под давлением извне) от протекционистских мер только выросло — с 30:1 в годы Второй мировой войны до 70:1 к концу XX в.¹¹

7. См.: *Кляйн Н.* Доктрина шока. М.: Добрая книга, 2009. С. 111.

8. См.: *Кангас С.* Чикагские мальчики и чилийское экономическое чудо; http://www.scepsis.ru/library/id_557.html.

9. *Амин С.* Африка: жизнь на грани; http://www.scepsis.ru/library/id_486.html.

10. Приведено по: *Кагарлицкий Б. Ю.* Восстание среднего класса. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 162.

11. *Джордж С.* Доклад Лугано. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. С. 57; См. также: *Харви Д.* Краткая история неолиберализма... С. 31.

Даже неловко после этого призывать к «интеграции в глобальный капитализм». Хотя, безусловно, Кругман прав: для восточноазиатских стран она прошла не так, как для других регионов. В Юго-Восточной и Восточной Азии и впрямь была создана промышленность, которой раньше не было. Только ее создание не имело, как правило, ничего общего с «улучшением жизни обычных людей». Если Кругману «этот процесс очевиден», то другим наблюдателям очевидно противоположное. При чем здесь, в самом деле, улучшение жизни, когда, по популярному мнению, предприятия в этих странах «опускаются до свойственного прошлому веку (то есть XIX в. — С. Е.) уровня эксплуатации»?¹² Другого и быть не могло. В 1970–1980-е гг. западные корпорации для удешевления производства начинали переносить его в регионы с дешевой рабочей силой. Юго-Восточная и Восточная Азия выиграла борьбу у остальных регионов третьего мира за то, чтобы разместить западную промышленность у себя¹³. Но главным условием победы было поддержание максимально низких стандартов труда. Именно в этом, а вовсе не в повышении уровня жизни граждан, восточноазиатские страны весьма преуспели, потому и победили. А главным победителем, в конечном счете, стал Китай, еще одна держава, активно прославляемая поклонниками рыночной идеологии и Кругманом в том числе. Китай обеспечил корпорации самыми дешевыми работниками и в награду превратился, по выражению Н. Кляйн, «в потогонное предприятие для всего мира»¹⁴. Очень сомнительное достижение, которым вряд ли стоит гордиться.

Реальное улучшение жизни населения в годы глобализации имело место совсем в небольшом количестве азиатских стран. Но такие страны все же есть. Кругман справедливо указывает на Южную Корею и Тайвань, говорит, что в той же Корее средняя часовая ставка за последние 30 лет возросла от 5% часовой ставки в США до 62% (с. 50–51). Однако и здесь Кругман использует стандартный трюк неолибералов. К настоящему свободному рынку прогресс в этих странах (и социальный, и экономический) не имеет никакого отношения. Например, Корея на протяжении своих успешных десятилетий с интеграцией в глобальный капитализм отнюдь не торопилась, вела протекционистскую политику с созданием при активной помощи государства высокотехнологичного производства¹⁵. Зато когда дошло до более серьезной интеграции в глобальный капитализм, благосостояние людей, вопреки Кругману, сразу поползло вниз. Сработала цепочка: открытие финансового рынка привело к известному азиатскому кризису, кризис позволил МВФ навязать Корее программу дерегулирования экономики и в том числе свободной торговли, программа привела во второй половине 1990-х гг. к почти двукратному сокращению в Корее «среднего класса»¹⁶.

12. Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов. М.: Добрая книга, 2003. С. 275.

13. См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. С. 72–74.

14. Кляйн Н. Доктрина шока. С. 250.

15. Там же. С. 346; Кляйн Н. NO LOGO... С. 271.

16. Кляйн Н. Доктрина шока. С. 345–354.

Таких примеров заимствования Кругманом идей «энтузиастов свободного рынка» можно привести еще много. Их Кругман вроде бы критикует, но с удовольствием предается свойственным им заблуждениям. Как же объяснить такую двойственную позицию автора? Кажется, разгадка в том, что он просто не видит этой двойственности. В данном отношении Кругман от неолиберальных идеологов, в том числе самых авторитетных, отличается сильно. Когда-то фон Хайек в работе с красноречивым названием «Дорога к рабству» объявил политику государственного регулирования экономики в западных демократиях первым шагом в сторону национал-социализма¹⁷. Нынешние неолибералы такую позицию в значительной степени разделяют: для них «Новый курс» Рузвельта стоит куда ближе к национал-социалистической и советской, чем к настоящей рыночной экономике¹⁸. В представлении неолибералов, рынок и государственное регулирование несовместимы. Но Кругман, со своей стороны, вполне совмещает то и другое. Он ссылается на идею Кейнса о том, а что для нормального функционирования капитализма «требуется лишь очень небольшое вмешательство в его конструкцию», которое «в основном оставит частную собственность и право принятия частных решений в прежнем виде» (с. 162). Это вмешательство государства служит не упразднению свободного рынка, как обычно полагают неолибералы, но единственно тому, чтобы «сохранять экономику свободного рынка стабильной при более или менее полной занятости» (с. 163). По Кругману выходит, что свободный рынок может выступать в различных вариантах, и в форме «кейнсианской конвенции» он тоже вполне возможен. И не просто возможен, но даже предпочтителен, раз кейнсианская стратегия принесла в свое время столь хорошие результаты.

Как в таком случае оценить перемены в политике ведущих стран мира в эпоху глобализации? По общепринятой точке зрения, они были разительны, социологи говорят о «неолиберализации» в 1980–1990-е гг. как об особом «политическом проекте», полностью изменившим жизнь не только третьего мира, но и Запада¹⁹. Произошла, по популярному мнению, целая смена эпох, означавшая «конец проекта, столь смело названного „современностью“»²⁰. Но у Кругмана ни особого «политического проекта», ни тем более новой эпохи не получается. Третий мир в эти годы повернулся к свободному рынку, но Запад от него, если верить Кругману, и не отворачивался. А потому явных перемен политического курса не было, он лишь подвергся коррективам.

Коррективы Кругману в значительной степени не нравятся. Они, согласно авторской точке зрения, во многом снижают возможности к предотвращению кризисов. Уже упоминавшаяся переориентация экономики на формирование предложения при игнорировании спроса — только одна

17. См.: *Хайек фон Ф. А. Дорога к рабству*. М.: Экономика, 1992.

18. *Илларионов А.* Мир сравнил, что приносят верные идеи, а что — ложные; http://www.libertarium.ru/libertarium/100_283.

19. *Харви Д.* Краткая история неолиберализма... С. 31.

20. *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западня глобализации: атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2001. С. 52.

из таких корректив. Другие, впрочем, во многом к ней восходят, и особенно они заметны в политической линии Запада по отношению к остальному миру. В западных странах кейнсианскую конвенцию, по словам Кругмана, «по-прежнему ценят» (с. 163). Но по отношению к другим странам ситуация выглядит иной. Многие из них «обнаружили, что в основном политику для них диктует Вашингтон, а точнее Международный валютный фонд и Казначейство США» (с. 164). И диктует совсем не тот курс, какой выбирает для себя: «в основе приемов, навязываемых Вашингтоном многим странам, оказавшимся в кризисе, было почти полное выворачивание наизнанку сущности кейнсианской конвенции» (с. 178). «Выворачивание» выходило странам боком. Свидетельством является все тот же азиатский кризис. Как признает Кругман, азиатские страны, открыв финансовые рынки, сделались более уязвимыми, «хотя с точки зрения свободного рынка стали действовать в целом лучше» (с. 156).

Хотя столь же уязвимыми оказались и жители многих других стран. Правительства по идее должны ограничивать банковские операции, так как «не могут позволить, чтобы вдовы и сироты потеряли свои накопления только потому, что они положили их в неправильный банк» (с. 108). Однако, как тут же добавляет Кругман, «в 1980-х эти ограничения во многих регионах оказались сняты, в основном по причине отмены госконтроля» (с. 109). Последовало наказание в виде надутых спекулянтами финансовых пузырей. У них, по словам автора, есть одно свойство: рано или поздно они все лопаются (с. 110). Они и лопнули там, где только появились: в Мексике в ходе «текилового кризиса» в середине 1990-х гг., когда, как узнаем из книги, пришедшие в страну капиталы мало влияли на производство, а при первых тревожных симптомах побежали в другие страны (с. 74–84); в Японии, превратившейся еще в начале 1990-х гг. в «экономiku мыльного пузыря, японский эквивалент „ревущих 20-х“ в США» (с. 102); «в Юго-Восточной Азии, чьи страны „к началу 1996 года начали в значительной степени напоминать экономикy мыльного пузыря Японии конца 1980-х“ (с. 132) и пришли в итоге к кризису в «текиловом стиле» (с. 94); в России, ставшей в 1998 г. «жертвой потемкинской экономики» (с. 206); и т. д.

А нынешний кризис так и вовсе уникален. Он, по словам Кругмана, «напоминает все, что мы видели до этого, но на этот раз все сразу» — от взрыва «пузыря недвижимости», аналогичного случившемуся в Японии, до волны «валютных кризисов, очень сильно похожих на развитие событий в Азии в конце 1990-х» (с. 258). Но что означает повторение старых бед? Если верить автору — только то, что из прошлого опыта не были сделаны должные выводы. Политики несколько сбились с правильного кейнсианского курса, когда-то обеспечившего достаточно долгое развитие экономики без серьезных рецессий, но причиной являются простые ошибки во взглядах. Ошибки всегда можно исправить. Кругман искренне полагает, что «единственными важными структурными преградами на пути к процветанию мира являются устаревшие доктрины, которые затуманивают мышление людей» (с. 296).

Миром правят идеи, и достаточно лишь стремиться к торжеству самых правильных из них, отвечающих всеобщим интересам.

Снова просится вопрос: не слишком ли Кругман для нобелевского лауреата наивен? Чем-то он похож на социалистов-утопистов начала XIX в. Утопизм их состоял среди прочего в искренней вере в то, что их проекты социального переустройства сами собой будут востребованы, как только люди увидят преимущества этих проектов. Кругман рассуждает в схожем ключе. Но тех утопистов, как известно, ждало горькое разочарование. Они так и не дождались, что люди по доброй воле начнут перестраивать жизнь в соответствии с идеалами справедливости. И вполне понятно, почему так произошло. Господствующие слои в тогдашних обществах были довольны существующим порядком, имели от него серьезную выгоду. Так зачем же от нее добровольно отказываться?

Программу Кругмана, боюсь, ждет аналогичная судьба. И все по той же причине — существующий порядок при всех его недостатках предпочтителен тем, кто находится на его верхних ступенях. Вспомним еще раз приведенные в начале статьи слова о «странном сочетании низкого темпа роста и увеличивающегося неравенства доходов». От роста неравенства страдает огромное число людей, даже подавляющее большинство, но ведь есть и те немногие, кто оказался ближе к противоположному социальному полюсу. Они от углубления неравенства только выигрывают, чем больше оно будет, тем для них лучше. И именно ради такой цели они вели на протяжении лет социальную борьбу, названную по заглавию книги К. Лэша «восстанием элит»²¹, как раз против кейнсианской конвенции с ее высокими социальными расходами. В этом низвержении «государства благосостояния» и состояла глубина изменений, произошедших в ходе того «восстания» и олицетворявших новую эпоху. О ней говорят многие, но вот Кругман ее наступления даже не заметил, остался целиком в старой эпохе.

А теперь самое прискорбное для Кругмана. Если разобраться, то смена эпох, или же, следуя Кругману, просто негативные «смещения акцентов», оказались возможными во многом благодаря основополагающему для его же программы призыву к «интеграции, насколько это возможно, в глобальный капитализм». Эта интеграция и «уход от спроса в экономике в сторону предложения» очень даже связаны между собой. И вместе они сделали необходимыми усиление финансовых спекуляций с постоянно лопающимися пузырями. Разве перенос западных производств в отсталые регионы по мере их интеграции не привел к росту безработицы в развитых странах и заодно к снижению зарплат? Одно логично вытекает из другого²². Корпорации, понятное дело, от такого снижения зарплат оказались в выигрыше. Одно плохо: спрос на товары в странах «первого мира» стал постепенно падать. Капиталисты на урезании расходов скопили серьезные суммы, которые все менее выгодно было вкладывать в производство. Выходом стали те самые

21. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос, Прогресс, 2002.

22. См.: Мартин Г.-П., Шумани Х. Указ. соч. С. 135–186.

финансовые спекуляции, приносящие куда более значительный и быстрый доход, чем реальный сектор экономики²³. Навязанный остальному миру курс на интеграцию эти спекуляции только облегчил, он и понадобился в том числе для облегчения финансовых операций в мировом масштабе со всеми вытекающими последствиями. Последствия печальны, но такова плата за вхождение в пропагандируемый Кругманом свободный рынок. Они к неудовольствию Кругмана включены в комплект, отказаться от них нельзя.

Пишу и ловлю себя на ощущении дежавю. Кажется, подобные мысли я однажды высказывал. Некоторое время назад у меня была рецензия на книгу экономиста Дж. Бхагвати «В защиту глобализации»²⁴. Уже по названию ясно, что очень во многом книга перекликается с работой Кругмана. Бхагвати тоже неистово отстаивал свободный рынок, спекулировал будто бы позитивными примерами Чили, Китая, стран Юго-Восточной Азии и показывал, как при правильном подходе можно устранить или свести к минимуму негативные аспекты глобализации. Мне еще тогда все эти аргументы показались сильно устаревшими. Поэтому в заключении я выразил надежду на то, что, может быть, апологеты глобализации приостановят свою работу по созданию ее позитивного образа, раз все равно не могут придумать новых аргументов. Теперь я понимаю, насколько эти надежды были тщетными. Процесс не остановится: мы еще увидим много книг во славу свободного рынка с одними и теми же давно разбитыми в пух и прах доводами. Людям есть во имя чего стараться. За это ведь даже нобелевские премии дают.

23. См.: *Кагарлицкий Б. Ю.* Восстание среднего класса. С. 133–149.

24. *Бхагвати Дж.* В защиту глобализации. М.: Ладомир, 2005; *Ермолаев С. А.* Почему автомобиль едет только задним ходом? Глобализация в сладких мечтах неолиберала и на самом деле // Скепсис. 2008. № 5.